

ИЗ-ЗА ЧЕГО ВСЕ И НАЧАЛОСЬ...

Я глянула по сторонам, не видит ли кто, и перепрыгнула черную жирную лужу, правда едва не уронив папку с актами. Как хорошо, что я послушалась Римму Марковну и приобрела обычные туфли фабрики «Скороход». С виду фу, зато не жалко. Тем более ремонтный цех находится в самом конце депо, пока дойдешь — сто раз в мазут вляпаешься.

Иваныча я нашла быстро, помахала ему листком, дождалась, пока он вытрет руки куском ветоши, и ткнула, куда ставить подпись, — огромный агрегат издавал такой лязг, что не было слышно почти ничего. Теперь осталось найти Севу, и мой цеховой вояж на сегодня окончен.

В коридоре конторы, возле бухгалтерии, притормозила — на стенде вывесили свежий номер нашей газеты. На последней странице заметка о шампунях для волос была сокращена на два предложения, зато хоть фото улыбающейся модели с густой копной локонов вставили, как я и советовала. Я вчиталась в свой текст — ну, ничего страшного, убрали лишь названия шампуней, а так вроде все осталось без изменений...

От чтения меня отвлек Василий Егоров: я не расписалась в журнале по охране труда, и он напоминал мне уже второй раз. Но я опять отмахнулась — было некогда, да и устала я что-то — легла спать в три ночи, ведь сейчас активно готовлюсь поступать в институт, приходится историю учить заново, в духе настоящего времени, вспоминать математику, да и в русском языке за сорок лет кое-что изменилось. Поэтому днем работаю, а по вечерам

штудирую учебники, и это «по вечерам» частенько растягивается за полночь.

Глянула на часы и побежала вверх. Возле кабинета с номером 21 витало облачко импортных духов «Опиум», аромат резко диссонировал с впитавшимися в мою одежду запахами жженой резины и едкой гари. За дверью разговаривали. По голосам вроде Иван Аркадьевич и Аллочка.

Я улыбнулась и вошла в кабинет — запах «Опиума» усилился.

— ...подразделения... — сказал Иван Аркадьевич Аллочке и кивнул на высокую эффектную брюнетку, которая стрельнула умело подведенными глазами в его сторону, сделала плавное движение, обозначающее то ли полупоклон, то ли разновидность книксена, но, как бы то ни было, ее внушительная грудь при этом колыхнулась и чуть не выпрыгнула из декольте.

Дверь кабинета закрылась, и все обернулись на меня.

— А вот и Лидия Степановна! Лида, знакомься. Это — Машенька, — благодушно произнес Иван Аркадьевич. — Будет нам теперь помогать...

ГЛАВА 1

— Ватрушку еще бери! — Римма Марковна подтолкнула ко мне тарелку с источающей ванильные ароматы сдобой и долила чаю. — Совсем ты похудела, Лида.

— Так это же хорошо, — ответила я, жуя творожную ватрушку из вежливости, через силу.

— Ну, не скажи, — покачала головой соседка, — женщина должна быть в теле, манить, а не костями греметь.

«Угу, видела бы ты моделей и фотоняшек в моем времени», — поморщилась я, с досадой посмотрела на недоеденную ватрушку и отложила в сторону.

— Что ты думаешь делать с Валерием? — без обиняков спросила Римма Марковна.

Вот за что уважаю эту женщину — так это за прямолинейность. После того как она сперва угодила в богадельню, а затем поселилась у меня, Римма Марковна категорически изменилась: исчезла привычка носить старый изношенный халат поверх нового, пить чай из щербатой чашки (откуда-то она притарабанила прибалтийский фарфоровый сервиз, и теперь каждый вечер у нас четко соблюдалась чайная церемония), и даже стала курить не обычный «Полет», как раньше, а «Полет» исключительно какой-то дукатовский (мне без разницы, но вот Римма Марковна утверждала, что именно этот — самый лучший). Но главное, Римма Марковна взяла идеологическое шефство над всеми соседками в нашем подъезде и заодно — надо мной.

— Так что с Горшковым? — повторила она.

— Я уже два раза пыталась с ним встретиться, — развела руками я, — прячется, гад.

— И? — не унималась Римма Марковна.

— Что-что, — нахмурилась я, — надо попробовать еще раз. Не смогу договориться — буду решать кардинально.

— Как это?

— Убью его, — снисходительно улыбнулась я и отхлебнула чай.

— Ты не шути так! — нахмурилась Римма Марковна. — Я же серьезно спрашиваю, а ты дурачишься.

— И я серьезно. — Но невольно рот сам растянулся до ушей. — Римма Марковна, я знаю тридцать один способ убийства без следов. Никакая милиция не найдет. Вот слушайте: способ первый — можно подсеять у них на даче цикуту в петрушку. Соотношение семян цикуты и петрушки должно быть...

— Прекрати! — строго перебила меня Римма Марковна, но не выдержала, рассмеялась.

— Хотя есть вероятность, что заодно и Элеонора Рудольфовна умрет, очень уж она петрушку в салатах любит, — кровожадно продолжила я. — А чтобы милиция ничего не заподозрила, нужно цикуту еще и по обочинам в сорняках по всей деревне подсеять, типа ареал обитания у нее такой. Второй способ — поставить в горшковской комнате в вазу большой букет полевых цветов с аконитом, но тут главное: самую начальную стадию цветения захватить, и Горшков, может, и не умрет к утру, но жить будет мало и тяжело. Ключ от комнаты на Механизаторов я знаю, где лежит. Хотя нет, нужно же наверняка. Значит, тогда делаю по-другому: собираю огромный букет всяких колокольчиков-дельфиниумов вперемешку с аконитом, приглашаю Горшкова на свидание, мы гуляем по городу, при этом я буду постоянно нагибаться, вроде как поправлять ремешок на туфле, а букет отдам нести ему. У него

привычка в волнении грызть ногти, поэтому, к примеру, пообещаю прописать его в эту квартиру на каком-нибудь совершенно дурацком условии. Или же скажу, что узнала, как он в карты на деньги играет, и что я планирую сообщить Элеоноре Рудольфовне. Часовая прогулка, он держит мой букет, волнуется, грызет ногти, потом вернется домой, и утром я — вдова. Главное, не забыть букет забрать.

— У тебя нет туфлей с ремешками, — промямлила явно впечатленная Римма Марковна.

— Придется, значит, купить, — согласилась я, — заодно пополню свою коллекцию от фабрики «Скороход».

— Но ты ведь тоже будешь держать букет и, значит, тоже отравишься, — не сдавалась Римма Марковна.

— Ой, делов-то! — легкомысленно отмахнулась я. — Можно надеть перчатки, можно взять носовой платок, можно намазать ладони клеем. Слушайте лучше дальше. Итак, способ третий — разбить штук восемь градусников и аккуратно вытряхнуть ртуть на пол и немного под плинтус, повозить ее веником по всему полу комнаты, чтобы площадь испарения стала максимальной. Про ключ от комнаты я уже говорила. Четвертый способ еще легче — берешь обычный шприц и...

Закончить мне помешал звонок в дверь.

Римма Марковна сидела красная от возмущения и сдерживаемого смеха, пришлось идти открывать мне.

На пороге стоял Иван Тимофеевич. Поздоровавшись, он осторожно поинтересовался, дома ли сейчас Римма Марковна. Получив утвердительный ответ, он вздохнул:

— Понимаете, Лидия Степановна, я хотел с вами обсудить упаковку для мыла, она уже готова.

— Так давайте обсуждать, — согласилась я и радушно добавила: — Проходите, пожалуйста.

— Да нет, — покачал головой сосед и тихо добавил: — Давайте лучше поступим таким образом: загляните завтра,

часам, скажем, к семи вечера ко мне. На работу. Я покажу отпечатанные образцы, и мы выберем. Хорошо?

Я кивнула.

— Кроме того, в редакцию вам пришло много писем от читательниц, — лукаво улыбнулся Иван Тимофеевич, — заодно и заберете. Нужно же всем ответить.

Я поблагодарила и пообещала зайти. Иван Тимофеевич напомнил о сроках сдачи заметки «Уход за лицом в летний период» и вдруг замялся:

— И еще... тут такое дело...

— Говорите, — подбодрила соседа я.

— Понимаете, Лидия Степановна, как бы это сказать... не все наши корреспонденты, так сказать, благосклонно отнеслись к вашему творчеству...

— И что? — не поняла я.

— В общем, вам нужно быть готовой к некоторым... эммм... критическим замечаниям с их стороны, — вздохнул Иван Тимофеевич, отводя глаза.

— Да не беспокойтесь, Иван Тимофеевич, — рассмеялась я, — никакой критики я не боюсь. Наоборот, мне будет даже полезно услышать мнение коллег по перу.

Мы распрощались, и я вернулась обратно на кухню.

— Кто это приходил? — полюбопытствовала Римма Марковна, перебивая посуду.

— Да Иван Тимофеевич, хочет, чтобы я завтра забрала письма моих читательниц. — Я решила пока не посвящать старушку в эпопею с мылом (раз Иван Тимофеевич развел такую таинственность).

— О! Тебе уже приходят письма читателей, Лида. — Римма Марковна развернулась ко мне, и ее морщинистое лицо расплылось в мечтательной улыбке. — Это же так замечательно... письма, почитатели... эх, а ведь я когда-то тоже писала письма... Александру Вертинскому...

На работе весь день прокрутилась как белка в колесе: у нас добавлялось еще одно подразделение, хоть и маленькое, но пришлось делать новую штатку. Я стучала по клавишам пишущей машинки с упорством дятла, торопилась сделать всю работу — нужно еще выкроить время и успеть набрать текст заметки в газету. Раз обещала — надо сделать. Но печатать левые тексты на работе все-таки стрёмно: вдруг кто увидит. Нужно запланировать покупку собственной печатной машинки — и срочно.

За треском машинки я не расслышала, как открылась дверь. На стол упала тень. Я подняла глаза и сильно удивилась — передо мной стоял Роман Мунтяну. За все время моего пребывания в кабинете, который он делил с Егоровым, я от него слышала хорошо если два-три слова. Он всегда был нелюдим и словно существовал в параллельной вселенной. И тут вдруг сам лично пришел ко мне в кабинет. Интересненько.

— Лида, — сказал Мунтяну и выжидательно уставился на меня.

Я молчала. Решила дать человеку выговориться. Даже если это Мунтяну.

— Завтра, — продолжил Мунтяну, понимая, что я ничего не спрашиваю, — мы собираемся. Приходи.

— Когда? Кто? Где? — чуть переиначила классику я, флегматично оттирая испачканные копиркой пальцы.

— Гаражи на Набережной. Знаешь?

Я кивнула.

— Гараж с синей дверью, слева, второй ряд. В восемь, — очень тихо сказал он и, чуть помедлив, добавил: — Не забудь.

— А кто собирается? — Меня уже распирало любопытство, непонятно, куда это он меня приглашает, кто там еще будет, и, главное, какой формат встречи — тайное масонское общество? комсомольский субботник? разнузданная оргия (хотя до оргий в этом времени, кажись, еще

не дошли)? Благопристойное чаепитие? Или простая дружеская пьянка в гараже?

— Мы,— лаконично ответил Мунтяну и попросил: — Только ты никому.

Я кивнула.

— Поклонись,— потребовал Мунтяну, внимательно глядя мне в глаза.

— Клянусь,— честно поклялась я и даже зажмурилась от такой своей кристальной честности.

Успокоенный Мунтяну ушел, а я, терзаемая любопытством пополам с сомнениями, стала печатать дальше.

Вечером я забежала в типографию. Иван Тимофеевич встретил меня радушно.

— Проходите, проходите, Лидия Степановна! — Он усадил меня в кресло для гостей, угостил чаем и протянул несколько отпечатанных листочков: — Вот образцы. Взгляните.

Я покрутила этикетки, рассматривая. Ну что тут скажешь, все скромненько-банально, великая эра рекламы и маркетинга наступит здесь явно еще не скоро.

— Можно просто заворачивать, а можно делать коробочки,— пояснил Иван Тимофеевич.— Что скажете?

— Смотря для каких целей нужно это мыло,— дипломатично ответила я, возвращая образцы. — Если для массовой продажи — то я вообще смысла в упаковке не вижу, я уже попробовала продать коллегам, но они хотят дешево, максимум по три рубля. Сами понимаете, возиться с изготовлением такого мыла долго, плюс этикетки печатать. А теперь представьте, если мыло выпускать и продавать массово, то цена вообще до рубля упадет, если не ниже. Кроме того, массовое производство потребует много времени, а я мало того, что у вас подрабатываю,

так еще в институт поступать готовлюсь. Да и опасно. Кто-нибудь обязательно заложит.

— Нет, нет, Лидия Степановна, — замахал руками сосед. — Мыло мне нужно для небольших подарков высоким гостям. У нас постоянно кто-то бывает в городе с визитом. И всех обязательно везут на экскурсию к нам. Дарить все эти ручки-блокноты-календари — мелкова-то, согласитесь. А вот такой подарок всем бы понравился. Иностранцев в основном возят тоже к нам.

— Тогда совсем другое дело. — Я подняла взгляд на Ивана Тимофеевича. — Но здесь надо понимать: к примеру, для высоких гостей из сферы торговли нужна упаковка в стиле «дорого-богато», для интеллигенции — нечто изысканно-интеллектуальное, партийные и пропагандисты оценят что-то в духе «люблю родные березки и Кудашскую ГЭС». А для иностранцев вообще по-другому надо...

— Да-да? — заинтересованно подался вперед Иван Тимофеевич.

— Этикетки нужны «а-ля рюс», а не под арабский стиль, и лучше писать, что мыло с морошкой, икрой осетра или маслом кедровых орешков. И мыло соответственно такое и делать.

— Да что ж это за мыло, если оно рыбой вонять будет? — поморщился Иван Тимофеевич. — Да и дорогова-то черную икру в мыло добавлять.

— Да там от рыбы только название, — пожала я плечами, — психологическая уловка такая. Икру добавлять никуда не надо, в крайнем случае можно капнуть немного рыбьего жира в основу.

— Но это же обман, — скривился Иван Тимофеевич.

— В косметологии почти все — обман, — ответила я, — вот вы, к примеру, разницу между земляничным мылом и огуречным хоть раз чувствовали? Если исключить отдушку, то разницы вообще нет.